

По сравнению со старшим братом Чжоу и остальными, которые были настолько истощены, что с них словно содрали слой кожи, было очевидно, что Чжоу Цинбай выглядел лучше.

Но в этом не было ничего удивительного.

Утром все мужчины ели холодные булочки с маринованными овощами, а Линь Цинхэ вставала с утра пораньше и делала булочки на пару, готовила конгэ, или пшеничную кашу. Затем она готовила яичницу с огурцами.

Но такие блюда она готовила только тогда, когда не было мяса, если оно было, то становилось обязательным ингредиентом в утренних блюдах

Например, тушеная свинина с бобами рожкового дерева или жареный зеленый перец с мясом.

Каждое утро перед выходом Чжоу Цинбай ел до сытости.

То же самое происходило и в полдень. Линь Цинхэ приносила ему еду, когда та была готова. И уходя, оставляла ему термос с супом из бобов мунг.

Чжоу Цинбай и его семья ели его, чтобы охладиться во время отдыха.

Когда они возвращались вечером, их ждали еще более вкусные блюда.

Два мясных блюда, два овощных блюда и один суп.

После еды оставался еще суп из бобов мунг, который можно было выпить вечером. Хотя на каждого человека приходилось только по одной миске, суп все равно обладал легким охлаждающим эффектом.

Выпивая миску сладкого супа из бобов мунг, Чжоу Цинбай чувствовал, что жара напряженного дня значительно рассеялась.

После мытья и сна его дух восстанавливался как следует.

Главной обязанностью Линь Цинхэ была забота о Чжоу Цинбае, остальное было второстепенным.

Однако сопровождающим Чжоу Цинбая отцу Чжоу, Дава, Эрва и Саньва тоже повезло. В общем, когда Чжоу Цинбай получал свою долю вкусной пищи, они тоже не испытывали недостатка в ней.

Дава даже отметил, что все они словно чужие ей, а любимчиком матери был только отец.

Когда летний урожай закончился, Линь Цинхэ отправилась в город, чтобы распродать остатки зерна, которые она приберегла на некоторое время. По дороге она также купила большой арбуз.

Этот большой арбуз, несомненно, пользовался популярностью. Вся семья с удовольствием им лакомялась.

С тех пор как они стали есть с сыном и невесткой, рацион отца Чжоу и матери Чжоу резко вырос.

Когда отец Чжоу ложился спать, он сказал жене:

— Скажи, почему мне кажется, что жена четвертого тратит деньги как воду?

Конечно, отец Чжоу говорил о том, что жена четвертого не умеет правильно жить. Но с другой стороны, если жена четвертого не умеет жить, то откуда тогда берутся деньги?

Но это были всего лишь его сомнения.

В конце концов, старый четвертый уже столько лет прожил дома, а жена четвертого все еще делала все по-своему.

— Я не знаю, спрошу завтра? — ответила матушка Чжоу.

— А жена четвертого не будет недовольна? — засомневался отец Чжоу.

— С чего бы ей быть недовольной? Я же не прошу у нее денег. Просто любопытствую. Жена четвертого не будет слишком много думать, — заверила мать Чжоу.

Отец Чжоу ничего не ответил.

На следующий день мать Чжоу спросила Линь Цинхэ.

— Цинбай привез много денег, когда вернулся из армии. Они еще не израсходованы. Мама, не волнуйся, — ответила Линь Цинхэ.

Линь Цинхэ уже была готова к тому, что рано или поздно они придут спросить об этом, раз уж они ели вместе.

— Вот и хорошо, — матушка Чжоу кивнула, услышав это.

Вопрос о том, сколько было денег, матушка Чжоу задавать не стала.

Линь Цинхэ сначала хотела сказать ей, что тысяча пятьсот юаней, но раз она не спросила, то и девушка уточнять не стала.

На самом деле у нее в пространстве было три тысячи пятьсот юаней.

Она копила их понемногу. Конечно, если бы не ее огромные расходы, денег было бы на тысячу юаней больше. Да, еще сто юаней она одолжила брату.

Когда Чжоу Цинбай вернулся, Линь Цинхэ спросила его:

— Разве ты не говорил, что в этом году будет станция по поставке молока? Почему до сих пор нет никаких новостей?

Она думала, что станция появится в начале весны, а сейчас уже стояло палящее лето.

— Там что-то пошло не так, но это должно произойти со дня на день, — сказал Чжоу Цинбай.

Чжоу Цинбай был прав, молочная станция прибыла после летнего сбора урожая.

С марта по ноябрь следующего года можно было самостоятельно ходить на молочную станцию и покупать молоко. Бутылка стоила один цзяо. За доставку нужно было доплатить еще один фынь.

Линь Цинхэ прямо сказала молодому человеку, который доставлял молоко, чтобы тот заказал три бутылки.

Матушка Чжоу была ошеломлена, когда услышала это:

— Разве три бутылки не слишком много?

— Одна бутылка для маленького Су Чэна. Дядя Дава велел мне покупать для него. Для своей семьи я заказала две бутылки, чтобы мальчики пили, — ответила Линь Цинхэ.

После подтверждения молодой человек написал в блокноте и сообщил, что утром принесет молоко и коробку для молока. После этого он ушел.

Глядя на выражение лица матушки Чжоу, Линь Цинхэ немного объяснила:

— Это молоко довольно хорошее, и оно очень питательное. Я слышала, как в городе говорили, что если его пить, то можно вырасти выше ростом — мальчикам полезно его пить.

— Чэнчэн не может пить так много, — заметила матушка Чжоу.

— Если он не может выпить бутылку, тогда пусть выпьет полбутылки. За полбутылки Су Чэна я буду платить пять фыней из денег зятя, а за оставшиеся полбутылки — шесть фыней из своих денег. Стоимость будет разделена поровну, а оставшееся молоко могут выпить отец и мать, — сказала Линь Цинхэ.

— Нам с отцом нет нужды пить это, — усмехнулась мать Чжоу.

— Это полезно выпить, — сказала Линь Цинхэ.

Разговор на этом и закончился.

Линь Цинхэ в ту эпоху видела много сухого молока, но свежего молока ей не попадалось.

На следующий день доставили три бутылки молока. Кроме того, у входа прикрепили коробку. Отныне каждое утро разносчик будет доставлять молоко. Молоко доставляли до рассвета.

Расчеты производились раз в месяц, и платили до доставки товара. Вчера Линь Цинхэ заплатила за молоко за один месяц.

Девушка забрала молоко в дом, чтобы сварить его. Когда оно сварилось, она оставила его в кастрюле остывать.

Надо сказать, что молоко в это время было действительно полезным. От молока шел манящий запах.

Линь Цинхэ, естественно, захотелось попробовать его. Она зачерпнула немного и попробовала сама. Вкус был очень чистым.

Чжоу Цинбай проснулся. Линь Цинхэ зачерпнула ему немного после того, как он почистил зубы.

— Если тебе так нравится, закажи еще бутылку, — сказал Чжоу Цинбай, посмотрев на нее.

— Нет необходимости, — покачала головой Линь Цинхэ.

Хотя ее не очень волновало мнение отца Чжоу и матери Чжоу, она все же не должна была всегда оспаривать их мнение.

Когда мальчики встали, Линь Цинхэ дала им попробовать. Она отложила долю маленького Су Чэна, а остальное разделила на три равные доли.

К молоку подали булочки.

— Это ужасно, — произнес Саньва после того, как сделал лишь глоток и нахмурился, высунув язык.

— Неплохо, пахнет хорошо, — оценил Дава, причмокнув губами.

— Вкус так себе, — Эрва не мог похвалить вкус.

— Пусть старший брат выпьет, — тут же сказал Саньва, пододвигая чашку.

— Пей, — Линь Цинхэ бросила на него суровый взгляд.

— Мама, не посыпlesh ли ты мне немного сахара? — попросил Эрва.

— А ты не боишься кариеся, — фыркнула Линь Цинхэ.

На этом Эрва замолчал, покорно выпил молоко и съел булочку.

Саньва тоже выпил молоко, но так, словно испытывал сильную горечь и ненависть.

Чжоу Ся пришел за Эрва и Дава, чтобы пойти с ними в школу. Он увидел, что они пьют молоко, и очень позавидовал.

Он знал, что во всей деревне только его четвертая тетя заказывала молоко для питья, и больше никто.

— Брат Дава, молоко вкусное? — спросил Дава Чжоу Ся по дороге в школу.